

Мотив национальной ненависти или вражды: проблема юридической идентификации термина

Малаев А. П.

Малаев Алексей Петрович / Malaev Alexey – аспирант,
кафедра уголовного права и уголовного процесса,
Югорский государственный университет, г. Ханты-Мансийск

Аннотация: в статье был проведен анализ современного законодательства по вопросам определения мотива национальной ненависти или вражды, который предоставил возможность обосновать многоуровневую структуру нормативной базы в российском и зарубежном опыте. Для этого проведено исследование международно-правовых средств, противодействия преступным проявлениям мотивов национальной ненависти или вражды и предложена на основе изучения действующей в РФ нормативно-правовой базы имплементация международно-правовых обязательств на национальном уровне с использованием зарубежного опыта. Мотив национальной ненависти или вражды предложено идентифицировать в двух формах: «мнимый» мотив национальной ненависти или вражды (корыстный мотив) и «истинный» мотив национальной ненависти или вражды, и показан механизм их уголовно-правового выявления в рамках отдельных статей Уголовного кодекса РФ.

Abstract: the article was carried out analysis of the current legislation on the definition of division-motive of national hatred or enmity, which provided opportunity to justify the WHO-tiered structure of the regulatory framework in the Russian and foreign experience. To this end, a study of international legal means of combating crime manifestations of motives of national Nena Vista or enmity and proposed based on the study in the current RF-rate and legal framework implementation of international obligations at the national level with international experience. The motive of national hatred or enmity proposed to identify two forms: «imaginary» motives of national hatred or enmity (selfish motive) and «true» motives of national hatred or enmity, and shows the mechanism of criminal law as part of the identification of individual articles of the Criminal Code.

Ключевые слова: мотив национальной ненависти и вражды, психология и право, истинный и мнимый мотив.

Keywords: the motive of national hatred and enmity, psychology and law, and the true imaginary motive.

УДК 543.544

Актуальность темы. Адекватное понимание событий, процессов и тенденций, которые имеют место в системе международных отношений, требует определения факторов и ключевых причин этих явлений. Одним из неотъемлемых элементов такого внутреннего базиса реалий является сложный и многогранный комплекс национальных проблем, которые прямо или косвенно влияют на международные отношения, нередко предопределяя содержание внешней политики отдельных государств и их правового поля, находясь в эпицентре международных конфликтов, способствуя, или, наоборот, препятствуя межнациональному сотрудничеству и глобальной безопасности.

Актуальность темы исследования обусловлена, прежде всего, потребностью наработки детального и непредвзятого подхода по национальной проблематике в российской правовой системе, так как описанная проблема характерна и для Российской Федерации, а обеспечение нейтралитета в вопросах изучения конфликтогенных факторов может быть осуществлена только в правовом поле, в том числе в рамках уголовного права, которое является отражением защиты от проявления национальной ненависти или вражды в наибольшей мере.

Основная часть. Затронутая проблематика касается разработки и конкретизации терминологического аппарата исследований в этой области, что является необходимым условием для надлежащего определения сущности мотива национальной ненависти или вражды с использованием междисциплинарного подхода.

Однако, в психологической, философской или юридической литературе пока не выработано общепризнанного понятия как мотива человеческого поведения или деятельности, так и понятия мотива преступления. В свою очередь, «описание и обоснование концепции мотива и его производных элементов базируется на огромном количестве математических формул, схем, графиков, а также специфической терминологии» [1].

Под мотивом (от лат. – двигаю, толкаю) в общей психологии понимают то, что побуждает деятельность человека, то, почему осуществляется такая деятельность. Однако, это понятие мотива далеко не единственное. В психологической литературе имеют место и другие определения мотива человеческого поведения, а именно: «мотив – то, что побуждает человека к деятельности и делает его деятельность осмысленной» [2]; «мотив – это то, что принадлежит самому субъекту поведения, является

его постоянным личностным свойством, изнутри побуждающим к совершению определенных действий» [3]; «мотив – это осознанное индивидом побуждение его действий и поведения, достигнутое через сопоставление предмета потребности (или влечения, стремления, желания), эмоционального или эффективного содержания переживания этой потребности и ожидаемого результата ее удовлетворения» [4] и т.д.

По поводу наличия различных определений понятия мотива А. Н. Леонтьев отмечал, что под этим термином в современной психологии «понимают совершенно разные явления – инстинктивные импульсы, биологические влечения и аппетиты, переживания, эмоции, интересы, желания, а также жизненные цели и идеалы и даже раздражение электрическим током» [5].

Итак, видение мотива преступления как психического образования является вполне допустимым. Однако, мотив как психическое образование – это не психический процесс, а уже определенным образом сформированное психическое явление, которое может состоять не только из какого-то отдельного психического компонента, но и из их совокупности. В каждом конкретном преступлении эту совокупность могут создавать совершенно разные компоненты (психические явления).

Мотив является внутренним исходным моментом преступления, его причиной и поводом. Таким образом, под мотивом преступления предлагается понимать определенным образом сформированное системное психическое явление, которое осознано индивидуумом, и в последствие является причиной действия, которое в рамках определенной правовой системы является противозаконным.

Использование психологического подхода к кодификации мотива как компонента совершения преступления, то есть правовой дефиниции, связано с тем, что система доказательства в российском правовом поле базируется на выявлении факта его проявления, в том числе, оперируя таким термином психологической науки, как аффект.

Мотивация национальной ненависти или вражды – это целостный феномен, который представляет собой непрерывную цепь взаимосвязанных и взаимозависимых компонентов. В нем прослеживается определенная временная последовательность и обусловленность каждого следующего элемента в совокупности с предыдущими. Однако, из сказанного не следует, что мотивационные этапы сменяют друг друга в какой-то строго заданной последовательности. Можно однозначно утверждать, что принятие решения совершить преступление на почве национальной ненависти или вражды не может предшествовать появлению мотива и цели. В свою очередь, это решение вызывает начало воплощения преступного замысла в реальность, что предполагает такие мотивационные элементы, как контроль и коррекция процесса совершения преступления. Вместе с тем обосновано предположение, что компоненты мотивации не меняют, а скорее «наслаиваются» друг на друга, образуя с каждым новым элементом (этапом) все более сложное соединение, которое, рядом со своей главной и основной функцией побудителя к действию, начинает выполнять функцию фильтра при оценке и отборе субъектом всего того, что способствует или тормозит удовлетворению актуальной потребности, функции пуска, контроля и коррекции совершенных действий, направленных на достижение поставленных целей.

При этом возникает логичный вопрос о разграничении мотива в классическом понимании и аффектированной мотивации, особенностью которой является то, что некоторые ее этапы могут «проскакивать» [6] (например, выбор цели или принятия решения о совершении преступления). Мы считаем, что это обстоятельство не меняет сути изложенного, поскольку в таких ситуациях не происходит «подмены» одного компонента другим. На самом деле при привычной мотивации имеет место «автоматизация» тех или иных психических процессов в связи с их многократной повторяемостью. Речь идет о наличии у человека определенных мотивационных схем (моделей привычного поведения или фиксированных установок), знаний о том, какими путями и средствами можно удовлетворить эту потребность, как вести себя в этой ситуации. Таким образом, происходит предельное сокращение во времени формирования отдельных этапов мотивации, что вовсе не означает их полного отсутствия.

Таким образом, и автоматизированным, и импульсивным действиям присущи основные элементы мотивации, которые выполняют свои непосредственные функции и должны рассматриваться как уголовный элемент при совершении преступления на почве национальной ненависти или вражды. Однако, такое глубинное и комплексное понимание мотивационных процессов в данном исследовании стало возможным только на основе изучения историографии заданной проблемы.

Эпоха проявлений мотивов национальной ненависти или вражды в форме национализма начинается именно в XVIII в.. Однако, правовое закрепление наказаний за преступление на основе равенства рас и наций осуществляется намного позже со второй половины XIX в. с приходом эры «массовой политики». Именно политический фотокор позволил сформировать и развивать идеи правопатризма в вопросах мотива национальной ненависти или вражды как первопричины данного типа преступлений.

Первая теория Л. Гринфелда представляет собой аналитическую структуру, которая в целом не вызывает существенных возражений, особенно если рассматривать ее в контексте тех конкретных исторических примеров, которые приводит Л. Гринфелд. Однако, применение ее как общей схемы для

рассмотрения исторического опыта формирования мотива национальной ненависти или вражды не в историческом, а правовом контексте, разумеется, потребует корректировки.

М. Грох процесс формирования мотивов национальной вражды условно делит на три фазы:

1) фаза «А» - период «научного интереса». На этом этапе «национальная» интеллигенция формирует лингвистическое, историческое, социально-психологическую подоплеку национального возрождения: разворачиваются исследования в области этнографии, филологии, литературы, истории, которые формируют образ нации, «возрождается»;

2) фаза «В» - период «патриотической агитации». Научные исследования трансформируются в идеологические конструкции, распространяются среди образованных слоев и способствуют их «национализации». Это период формирования «национального сознания»;

3) фаза «С» - на этом этапе в результате «патриотической агитации» возникает массовое национальное движение, которое, в свою очередь, должно привести к независимости нации.

А. А. Герцензон предлагал в соответствии с тем же критерием (морально-правовой оценки) разделить мотивы преступной деятельности на следующие три группы: мотивы политического характера (классовая ненависть, классовая месть), низменные мотивы, являющиеся различными формами проявления эгоизма; мотивы, лишенные низменного характера [7].

Соглашаясь с предыдущими авторами, И. М. Даньшин считал, что в основу систематизации мотивов преступлений должна быть положена моральная и правовая оценка мотивов, которая в конечном итоге выражается в их уголовно-правовом смысле [8].

А. Л. Рубинштейн, К. Е. Игошев акцентируют внимание на том, что мотив национальной ненависти или вражды формируется под влиянием ряда факторов, в том числе под влиянием внешних детерминант: среды, условий жизни и воспитания личности, а так же ситуации и поводов к формированию этого мотива [9]. Мы согласны с этой позицией, но выражаем собственную точку зрения относительно содержания мотива национальной ненависти или вражды и тех факторов, влияющих на его возникновение.

По нашему мнению, мотив национальной ненависти или вражды может иметь две формы:

1. «Мнимый» мотив национальной ненависти или вражды;
2. «Истинный» мотив национальной ненависти или вражды.

Под «мнимым или притворным» мотивом мы имеем в виду мотив, содержанием которого «формально» выступает национальная ненависть или вражда, то есть, лицо объективно внешне вроде посягает именно на свободу совести или свободу лица или группы лиц определенной расы, выполняет все действия для реализации мотива, но, на самом деле, основной целью такого лица является не нанесение ущерба или уничтожение конкретного лица или группы лиц определенной национальности, а другая цель: корысть, утверждение собственного «Я», уничтожение политических конкурентов. Такой мотив является национальной ненавистью или враждой исключительно формально, так как сегодня такое лицо удовлетворяет свои материальные, социальные или политические интересы вроде бы посредством посягательства на субъект другой национальности, а завтра он будет удовлетворять свои интересы, совершая корыстные или насильственные преступления. На мотивацию такого лица влияют в большей степени именно внешние факторы и собственные интересы, которые никакого отношения к «истинному» мотиву национальной ненависти или вражды не имеют. Предотвращение таких преступлений не вызывает труда, а лица, которые их совершают, являются общественно опасными в рамках этого понимания.

«Истинный» мотив национальной ненависти или вражды реализуется исключительно с целью причинения вреда лицу или группе лиц именно в связи с их национальной принадлежностью. «Истинная» мотивация формируется, по нашему мнению, исключительно на личностно-психологическом уровне. Такие лица уверены в своей миссии «очищения расы», в том, что именно их нация является господствующей и все, кто с этим не согласен, заслуживают наказания. Отношение таких лиц к собственному назначению может носить навязчивый или клинический характер, но они могут быть вполне психически здоровыми и признаваться вменяемыми, то есть привлекаться к уголовной ответственности и наказанию. На мотивацию таких лиц, скорее всего, не влияют такие факторы, как экономическая или политическая ситуация. Таким лицам безразлично, сколько стоит хлеб или какие политические процессы происходят в государстве, их мотивация направлена на реализацию мотива национальной ненависти или вражды с целью достижения конкретного результата. Общественная опасность таких лиц является повышенной, они редко подлежат перевоспитанию, а чаще всего, ждут освобождения из мест лишения свободы не с целью ресоциализации, а с целью совершения новых преступлений.

В уголовном законодательстве Российской Федерации [10] применяется понятие «возбуждение ненависти или вражды» (ст. 282 УК), в том числе на почве национальности. Однако, уголовная ответственность за преступления, совершаемые по мотивам ксенофобии предусмотрена несколькими статьями Уголовного кодекса Российской Федерации, которые находятся в разных разделах УК, а

значит, имеют различные объекты преступного посягательства и в то же время связаны общими элементами субъективной стороны преступления, в том числе мотивом совершения преступления. Вдобавок к этому, в связи с тем, что сам факт совершения любого преступления на почве расовой или национальной вражды, или ненависти выступает обстоятельством, отягчающим наказание (п. е ч. 1 ст. 63 УК), можно сделать вывод, что любое преступление теоретически может быть совершено по данным мотивам. Однако, на практике оказалось, что такой подход не позволяет выделить преступления, совершенные по мотивам национальной ненависти или вражды из массива других преступлений против лица, поскольку данный мотив является не единственным квалифицирующим признаком.

Анализ положений уголовного законодательства позволяет выделить две группы преступлений, связанных с национальной ненавистью и враждой. Первую группу образуют преступления, где законодатель при формулировании диспозиции статьи Особенной части прямо указывает на такой мотив преступления.

Эта группа в свою очередь делится на две подгруппы. Первая подгруппа характеризуется тем, что мотив расовой, национальной или религиозной вражды или ненависти является признаком основного состава преступления (например, Ст. 136, 357 и пр.). Вторую подгруппу образуют преступления, при формулировании которых мотив национальной ненависти и вражды является признаком не основного, а квалифицированного или особо квалифицированного состава преступления. Так, например, ч. 2 ст. 105 УК «Умышленное убийство» предусматривает квалифицированный вид убийства по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости. Также в эту группу можно отнести Ст. 111 «Умышленное причинение тяжкого вреда здоровью», Ст. 112 «Умышленное причинение средней тяжести вреда здоровью», Ст. 116-117 «Побои» и «Истязания», Ст. 119 «Угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью» и пр.

Следует заметить, что приведенный выше перечень преступлений содержит только те насильственные преступления, которые имеют квалифицирующий признак: совершение преступления по мотивам расовой, национальной или религиозной нетерпимости. В случае квалификации действия подозреваемых / обвиняемых по части второй любой из указанных выше статей или в рамках квалификации преступлений по Ст. 105 УК дополнительная квалификация по статье 63 УК не требуется.

Однако, спектр насильственных преступлений, совершаемых по мотивам нетерпимости, может быть гораздо шире. Например, статья 63 УК предусматривает ответственность за определенные действия насильственного характера. Так, Ст. 63 УК предусматривает ответственность за умышленные действия, направленные на разжигание национальной, расовой или религиозной вражды и ненависти, на унижение национальной чести и достоинства, или оскорбления чувств граждан в связи с их религиозными убеждениями, а также прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных привилегий граждан по признакам расы, цвета кожи, политических, религиозных и других убеждений, пола, этнического и социального происхождения, имущественного положения, места жительства, по языковому или другим признакам, соединенные с насилием. Так вот, как отмечалось выше, существует ряд статей УК, предусматривающих ответственность за насильственные действия, совершенные из соответствующих мотивов. В связи с этим, возникает вопрос о том, какие именно насильственные действия относятся к Ст. 63 УК. По мнению специалистов по уголовному праву, это причинение потерпевшему умышленных легких телесных повреждений (Ст. 115 УК РФ). Кроме этого, Ст. 63 УК предусматривает ответственность за указанные действия, которые повлекшие тяжкие последствия. К тяжелым последствиям относят убийство по неосторожности (Статья 109 УК) и неосторожное тяжкое или средней тяжести телесное повреждение (статья 118 УК), которые фактически также являются преступлениями насильственного характера. В таком случае квалификация должна происходить в совокупности по соответствующей части статьи 63 УК и по соответствующей статье УК, устанавливающей ответственность за посягательство жизни или здоровья.

Так же, ч. 1 ст. 280 УК «Публичные призывы к осуществлению действий, направленных на нарушение территориальной целостности Российской Федерации» устанавливает ответственность за умышленные действия, совершенные с целью изменения границ территории или государственной границы Российской Федерации в нарушение порядка, установленного Конституцией Российской Федерации, а также публичные призывы или распространение материалов с призывами к совершению таких действий, если они объединены с разжиганием национальной или религиозной вражды.

Вторую группу образуют преступления, где наличие такого мотива не является обязательным признаком состава преступления. При формулировке диспозиций таких преступлений законодатель или не конкретизирует мотив, или указывает его родовые общие признаки. Объективные или субъективные признаки состава такого преступления свидетельствуют об однородности мотивов такого преступления по мотивам расовой, национальной или религиозной вражды, или розни, или наличие такого мотива при совершении преступления не исключается, что является распространенным случаем.

В таких случаях причинения вреда отношениям, которые обеспечивают нормальное развитие межрасовых, межнациональных или межрелигиозных отношений, выступает дополнительным (преимущественно факультативным) непосредственным объектом уголовно-правовой охраны.

Наиболее опасное преступление в этой группе предусмотренный Ст. 205 УК «Террористический акт», которая указывает на применение оружия, совершение взрыва, поджога или других действий, которые создавали опасность для жизни или здоровья человека или причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, если такие действия были совершены с целью нарушения общественной безопасности, устрашения населения, провокации военного конфликта, международного осложнения, или с целью влияния на принятие решений или совершение или несовершение действий органами государственной власти или органами местного самоуправления, должностными лицами этих органов, объединениями граждан, юридическими лицами, или привлечения внимания общественности к определенным политическим, религиозным или другим взглядам виновного (террориста), а также угроза совершения указанных действий в тех же целях.

К этой группе относятся, и ряд преступлений раздела IX «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка». Так, статья 212 УК «Массовые беспорядки» устанавливает ответственность за организацию массовых беспорядков, сопровождавшихся насилием над личностью, погромами, поджогами, уничтожением имущества, захватом зданий или сооружений, насильственным выселением граждан, сопротивлением представителям власти с применением оружия или других предметов, которые использовались как оружие, а также активное участие в массовых беспорядках.

Так же, статья 213 УК «Хулиганство» предусматривает ответственность за хулиганство, то есть грубое нарушение общественного порядка по мотивам явного неуважения к обществу, сопровождающееся особой дерзостью или исключительным цинизмом. Это преступление также может проявляться в вандализме и охватывать различные противоправные действия, которые совершаются по мотивам расовой, национальной или религиозной розни. Из анализа практики применения статьи 213 УК следует, что суды квалифицируют на основании указанной статьи случаи публичных оскорблений, призывов, побоев между представителями различных конфессий, национальных групп и тому подобное. Также практика показывает, что подавляющее большинство насильственных действий в отношении представителей «видимых меньшинств», квалифицировались именно как хулиганство.

При отграничении чисто хулиганского мотива от национальной ненависти и вражды, следует обращать внимание на тот факт, что в отличие от хулиганства выбор жертвы при совершении преступлений против жизни и здоровья на почве нетерпимости, ограничивается рамками принадлежности (или симпатии) пострадавших к лицам другой национальности или расы и обусловлен нетерпимостью и крайней неприязнью к определенной национальности, расы или религии.

Другим примером отнесения к данной категории преступлений, которые таковыми не являются, является деятельность этнических преступных организаций или организованных преступных группировок, состоящих из представителей одной национальности или лидером которой является лицо определенной национальности и на основании этого соответствующая организация ассоциируется с определенной национальностью.

В связи с этим на уровне криминальной субкультуры такие группировки делятся по национальному принципу. Когда между ними и другими группировками с межнациональным составом время от времени возникают конфликты, перерастающие в совершение уголовно наказуемых деяний, также идет речь о наличии этнической преступности. Однако, преступления, совершаемые в результате конфликта или открытого противостояния между различными национальными группировками, как правило, совершаются не по мотивам ненависти, а в связи переделом преступных сфер влияния или другими обстоятельствами, которые легли в основу конфликта между различными группировками.

Также к данной группе можно отнести и преступления, ответственность за которые установлена статьей 244 УК «Надругательство над телами умерших и местами их захоронения» и статьей 243 УК «Уничтожение или повреждение объектов культурного наследия...», поскольку случаи разрушения и / или повреждение или заливки краской, нанесение надписей и символов ксенофобского характера и содержания на памятниках, местах захоронения, религиозных сооружениях являются распространенными. Но такие действия редко квалифицируются по указанным статьям УК и по статье 63 УК, а чаще всего – как хулиганство. По нашему мнению, при отсутствии признаков статьи 63 УК (пункта е части 1), действия подозреваемых в таких случаях могут квалифицироваться по указанным статьям УК с обязательным установлением обстоятельств, отягчающих наказание совершенного преступления на почве расовой, национальной или религиозной вражды.

Таким образом, могут быть выделены несколько категорий преступлений, объединенных родственными мотивам национальной вражды и ненависти. Общими их признаками являются умышленный или прямой характер вины при совершении таких преступлений, которым присуще непосредственное указание на потерпевшее лицо или социальную группу пострадавших лиц. Объектом посягательства может выступать один человек (преступления против жизни и здоровья), или группа

потерпевших лиц или иная социальная группа (журналисты, религиозная община, конфессия и т.д.). С токи зрения структуры объективной стороны эти преступления могут характеризоваться как корыстные, так и формальные или с усеченными составами преступлений. Законодатель использует различные подходы при формулировании мотивов указанной категории преступлений. Хотя специальные законы в сфере борьбы с преступлениями на почве ненависти закрепляют неприятие обществом таких преступлений и способствуют эффективному сбору данных, преследованию преступлений на почве ненависти возможно даже при отсутствии специальных положений.

Все правовые системы признают, что за преступления, которые наносят большой вред или являются особенно оскорбительными с точки зрения общих ценностей, должны предусматриваться более строгие наказания. Преступления, совершенные по мотивам предвзятости, соответствуют обоим критериям. Они причиняют больший вред из-за своего влияния на широкую общественность и в связи с нарушением принципов равенства прав и равной защиты закона.

Преступления, совершенные по мотивам национальной ненависти и вражды, по сути, являются преступными деяниями, которые уже караются законом, но системы уголовной юстиции должны обеспечивать, чтобы дополнительный вред, причиненный по мотивам предубеждения по признаку национальности, учитывался в судебном решении и наказании.

Таким образом, доказательство мотивов национальной ненависти и вражды должны быть представлены на рассмотрение суда, чтобы такой ущерб был учтен при осуждении и привлечении виновных к ответственности.

Выводы. Анализ современного законодательства по вопросам определения мотива национальной ненависти или вражды предоставил возможность обосновать многоуровневую структуру нормативной базы в российском и зарубежном опыте. Для этого проведено исследование международно-правовых средств, противодействия преступным проявлениям мотивов национальной ненависти или вражды и предложена на основе изучения действующей в РФ нормативно-правовой базы имплементация международно-правовых обязательств на национальном уровне с использованием зарубежного опыта.

В рамках определения концептуального поля мотивов национальной ненависти или вражды было доказано, что мотив национальной или религиозной ненависти в том содержании, в котором он закреплен в статьях Особенной части, вызывает трудность, неоднозначность его понимания, что может вести к неправильной квалификации. Данный факт указывает на необходимость развития правоприменительной практики, так как разоблачение вероятных дискриминационных мотивов в действиях виновных лиц является не только требованием внутреннего права РФ, но и прямым международно-правовым обязательствам государства.

В связи с этим, мотив национальной ненависти или вражды предложено идентифицировать в двух формах: «мнимый» мотив национальной ненависти или вражды (корыстный мотив) и «истинный» мотив национальной ненависти или вражды, и показан механизм их уголовно-правового выявления в рамках отдельных статей Уголовного кодекса РФ.

Литература

1. Чугунова А., Казанцева Д. Б., Безрукова О. В. К вопросу об уголовно-правовом значении мотивации преступного поведения // НиКа. - 2012. - №. - С. 332
2. Гамезо М. В., Домашенко И. А. Атлас по психологии : информ.-метод. пособие к курсу «Психология человека». – 2. изд., доп. и испр. – М.: Изд-во Рос. пед. агентства, 1998. – С. 98.
3. Немов Р. С. Психология: [Учеб. для студ. высш. пед. учеб. заведений]: В 3 кн.. – 4-е изд. – М.: Владос: ИМПЭ, 2001. Кн. 1: Общие основы психологии. – 2001. – С. 255.
4. Киричук А. Основы психологии. – К.: Лыбидь, 2006. – С. 318.
5. Леонтьев А. Н. Деятельность. Сознание. Личность: учеб. пособие для студ. вузов, обучающихся по направлению и спец. «Психология», «Клиническая психология». – М.: Издательский центр «Академия», 2004. – С. 221.
6. Элоян С. А. Проблемы квалификации преступлений, совершаемых в состоянии аффекта // Успехи современного естествознания. - 2011. - № 8. - С. 253-254.
7. Герцензон А. А. Уголовное право. Часть Общая. – Москва, 1948. – С. 343-344.
8. Даньшин И. Н. О значении мотива преступления при изучении и предупреждении преступлений // Вопросы борьбы с преступностью. – 1969. – № 10. – С. 70.
9. Игошев К. Е. Типология личности преступника и мотивация преступного поведения. – Горький: Изд-во ГВШ МВД СССР, 1974. – 168 с.; Общая психология/ под ред А. В. Петровского. – Москва : Просвещение, 1970. – 432 с.; Сайке Г. М., Матза Д. Метод нейтрализации. Теория делинквентности // Социология преступности. – Москва, 1966. – С. 322–333.
10. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 30.12.2015).